

В субботу вечером

Письмо Эвалду Валтеру

Уважаемый юбилар!

2 апреля в Музее театра Вы отметили свое 85-летие. Поздравить Вас пришли многие, на маленькую сцену поднимались Ваши друзья, читали стихи, произносили теплые, от сердца идущие слова, желали счастья. Алфред Янушан даже не мог вспомнить, когда впервые встретил Вас: «Какой ты старый! Не могу припомнить этого момента!». Некоторые при этом улыбнулись, некоторые насупились от того, что Вас так приветствуют, я же сразу вспомнил «Женитьбу Мюнхаузена», когда Вы в салоне Якобины — Лилиты Берзинь, развалившись в кресле рококо, произнесли: «Ну вот и я...»

Вероятно, Вам повезло, что, полюбив литературу, Вы из всей мировой драматургии избрали Мольера, в свободные часы перевели около двадцати его пьес. Это не было просто увлечением. В яркой форме Вы искали современное содержание. Я не могу в письме сказать Вам о том, что неподвластно словам, охарактеризовать все Ваши качества. Вы любите литературу — Андрея Упита, Блауманиса, Миервалдиса Бирзе, Юхана Смуула, Назыма Хикмета — эти писатели близки Вам, поскольку следуют принципу: смехом бороться со злом.

Педагоги... Евгений Вахтангов, Эдуард Смильгис. Разве можно о них не вспомнить сегодня? Иоаким Вацетис, будучи в Москве, посещал все театры, был компетентным зрителем, и Вы, в то время молодой латышский красный стрелок, делились с ним своими впечатлениями. Он открыл Вам истину, что режиссер, драматург и даже осветитель служат одной цели — зрителю. И что он воспримет, что отвергнет — вот главное.

Мы не видели Вас в первой кинороли на студии «Творчество». Мы не видели и режиссуру Эвалда Валтера. Но уверены, что в каждую роль Вы вложили нечто, присущее только Вам. Вероятно, Роль, в которой мне бы хотелось обязательно Вас видеть, — это Счастливец. В «Егоре Булычеве» я никогда не забуду Трубоча, который входит в купеческую гостиную и пытается звуками трубы изгнать из нее все прогнавшее, все недоброе. Во время гастролей в Москве Ваш Трубоча наряды

Mr. Valteris

с Шурой Лилиты Берзинь и Егором Артура Филипсона был назван самым подлинным горьковским персонажем.

В «Анне Карениной» Вы были Адвокатом, который, беседуя с Карениным, упорно пытался убить моль. И каждый раз делали Вы это по-иному. Число ударов росло от спектакля к спектаклю, но никогда у зрителя не появлялось мысли: пожалуй, многовато. Наоборот. Когда в целях сокращения Вашу роль выкинули из спектакля, в нем многого стало не хватать. Кажется, даже образ Каренина побледнел. Ведь Вы всегда помогали своим партнерам.

В «Паулинке» Вы играли шляхтича Криницкого. Вашим пратнером был Арвед Михелсон, в роли добродушного крестьянина. И он и Вы были родителями молодой пары. В сцене свадьбы много танцевали, пили пиво, на столах стояли большие тарелки с кределями. Вы все время предлагали Михелсону: ешь, пока дают. А тот отнекивался: «Оставь меня в покое, что ты пристал!». Однако Вы не отступали, и тогда не выдержал старый шутник, размахнулся и ударил сделанной из дерматина колбасой Вас по лбу. Дерматин лопнул, и опилки просыпались по всей сцене...

Сегодня, завтра, на всех юбилеях произносят слова — юбилар так молод! Но молодость надо уметь удерживать.

Я знаю, что Вы не курите. А сколько раз Вы проходили мимо меня бодрым шагом в направлении к Меллужи, в то время как я с удовольствием сидел на месте. Море, упражнения по системе йоги, расслабление мускулатуры перед выходом на сцену и многие другие не названные здесь «тайны» способствовали сохранению Вашей молодости.

Мне часто приходила в голову мысль, что не всегда Вы играете те роли, которые Вам близки как человеку, но ни разу не заметил я в Вашей работе небрежности или равнодушия. Скорее наоборот — Вы каждый раз придумывали что-то новое. То это был трюк, то жест или другой прием, характеризующий сущность образа. Куффелер из «Цветущей пустыни» Андрея Упита в исполнении другого актера мог получиться патологическим. У Вас он был символом гангстеризма. А Корбачио в «Вольпоне» Бена Джонсона — мне казалось Вы вот-вот упадете, возникало впечатление полного отсутствия костей. В «Инциденте» Вы играли кассира. Всего несколько фраз, сказанных негру, но в них Вы выразили все отношение Вашего героя к чернокожим людям.

И если бы сегодня собрать всех простодушных, бесхарактерных, бородатых и небородатых персонажей, то получился бы интересный групповой портрет. Казалось бы, эпизодические роли, но в моем сознании это толстые тома с биографиями, различными взглядами и противоречиями. Смотрю на фотографии и удивляюсь: неужели это все создано одним актером?

Ушли в прошлое те времена, когда актер за пять минут до спектакля все еще прогуливался с почитателями своего таланта, обсуждал события дня, затем забегал на сцену, а критика хором пела — вот современно мыслящий художник! Сегодня актеру надо прожить жизнь своего героя. Только тогда мы отдадим ему свои симпатии.

Ваша жизнь является примером, а примерам надо подражать. Они должны быть перед нами ежедневно. Когда я иду в Художественный театр им. Я. Райниса, меня всегда сопровождает надежда, что вновь я узнаю от Вас нечто новое. Потому что Вы каждый день как бы заново видите мир. А это самое большое чудо искусства.

Ваш Гунар Трейманис.